

БУДУЩЕЙ ЖИЗНИ ЯЗЫК

Тает свеча восковая.
Прячется в тучи звезда.
Ветер шумит, не смолкая.
Старая дача – пуста.
Летние коротки ночи:
Вспыхнули – не успедишь!
Дождик о чём-то попочет,
Ты что-то мне говоришь.
Сонного бора вещанье.
Птицы рассерженный крик...
Кто-то сказал, что молчанье –
Будущей жизни язык.
Даже не слушая, слышу...
Может быть, это – любовь,
Что созерцания выше,
И разуменья и слов?..

ПАРИ

...Какой-то бред,
а может, пьяный вздор:
Вот дёрнул чёрт
с тобой ввязаться в спор.
Всему виной твой горделивый нрав, –
Пусть я неправ,
хотя, по правде, – прав.
И где уж мне качать свои права, –
Ведь ты права, хотя и неправая.
Ни ты, ни я, – лишь время утвердит
Иль подтвердит –
как там его? – вердикт...
Открыт весь мир – распутья и пути, –
А человеку некуда идти;
На все четыре стороны катись! –
Но тесен мир, и нам не разойтись.
Глаза твои – как омуты без дна,
И в них твоя душа заключена.
Жизнь коротка, но бесконечен плен
У милосердных молодых колен.
Предгрозовым смятением сквозя,
Ты вся мерцаешь и трепещешь вся
Каким-то чудным светом изнутри...
И понял я, что проиграл пари.
День отлетел, и зыбкий свет угас,
И тьма ночная накрывает нас,
Тьма – сгусток томной боли мировой;
Не лучше ль нам
сойтись на "мировой",
И лёд обид в бокала растопить,
И страстный хмель
до капельки испытй!..

ЧЕРЁМУХА

Страстный и заледенелый,
Веющий из-за оград, –
Чувствую кипени белой
Нежный живой аромат.

Николай
КОНОВСКОЙ

Впрочем, – не всё ли равно, –
Сердце в хмельном океане
Канет на самое дно...
Светится корона, ярится,
Как белопенный прибой...
Дивная, не насладиться,
Не надышаться тобой!
АХ, МАЛАЯ ЭТА СИНИЦА!..
И вот – исполнение
забытых до срока угроз:
Уж март на носу
и, наверно, зима на прощанье
Нам дарит на память –
безжалостный русский мороз
И стужу такую,
что перехватило дыханье.
Старинные сосны,
старинный покой сторожа,
Застыли недвижно, –
и что им, заснеженным, снится?
И только одна
во всём мире живая душа
Безмолвье тревожит –
ах, малая эта синица!
Взлетит, непоседа,
исчезнет – хлопот полон рот,
И вновь замелькает
в глуби ледяного просвета;
И льётся незримо,
не зная сама, что поёт
Во славу Господнего
незаходящего Лета.

НА БОЖЬЕЙ ЛАДОНИ...

Водам иорданским причастье:
Душа ни жива, ни мертва...
Ах, это недолгое счастье
Крещения и Рождества,

Когда во Вселенной – ни вскрика,
Слеза на реснице дрожит,
И мир, – как открытая книга
На Божьей ладони лежит!
НО ДАРУЕТ ГОСПОДЬ...
Как безумная в пляске кружа, –
Стала плотью и перстью душа,
Камнем в бездну упала...
Кабы только тюрьма и сума, –
Да слепая безвидная тьма
Всё объяла.
Слышен где-то несчастного глас.
Ночь такая, что выколи глаз:

Ведь есть и над нами садовник...

Ни свеченья,
Ни огня – над равниной,
где русский погост.
Но дарует Господь покаяние и Пост
Для спасенья...
ПОЛЕ
За стеной буран иль свищет птица
Так, что и с ума легко сойти...
Что ж тебе не спится-не ложится,
Не живётся дома взаперти?
Говоришь: всему виною – горе,
Но в России горе – не беда.
До небес, гляди, простёрлось поле,
А над полем – русская звезда!..

Здравствуй, поле, –
смертное раздолье,
Дольний зной и холод высоты,
Двудеиство воли и неволи,
Двудеиство счастья и беды!

НИЖЕ ТРАВЫ НА МОГИЛЕ

Меди пасхальной звень,
Красный трезвон над столицей!
О, незакатная сень
Длющейся дивной седмицы!
Гнёзда подьёмлет вдаль
К жизни воспрянувший тополь...
...Как мы с тобой забрепи
В этот старинный некрополь?
Тихое пламя цветов,
Робких свечей трепетанье –
У основания крестов,
Грозных столпов мироздания.
И простирается мысль
Водам иорданским причастье:
Душа ни жива, ни мертва...
Словно бы кто-то: смиришь! –
Явственно повелевает, –

Те, кто однажды пришли
В мир, и великими были, –
Видишь, – здесь тише земли,
Ниже травы на могиле...
ЗВОНАРЬ
Туманится, слезится взор:
В распахнутости безначальной –
Какое небо и простор –
Сияющий простор пасхальный!
И на ладони – вся Москва
В наитье голосов былинных!..
Что там за дивные слова
Таятся в медных исполинах!..

Путь крестный жертвенной Руси,
Ход крестный
в шествии безмолвном.
Восстань, звонарь, и огласи
Отчину радостным трезвонном!
Пусть мы гневили Божество,
И калялись, да вновь грешили, –
До воскресенья Твоего
Всё ж, слава Господу, дожили!
Восстань, звонарь, – твоя пора!
А он лишь горнему внимает,
И, звоны красные даря,
Как птиц, – их в небо выпускает!

**КАК СВЕЧА
НА БЕШЕНОМ ВЕТРУ**
Свеж и зыбок аромат дыхання
Влажных роз, расцветших поутру...
Наша жизнь,
все встречи-расставанья –
Как свеча на бешеном ветру.
Но, однако, над судьбой пропащей,
Над холодным перечнем утрат
Всё плывёт твой дивный и пьянящий,
Твой невозвратимый аромат,
Навевая, что за дальней далью,
До скончанья незакатных дней –
Мне твоей печалиться печально,
Радоваться радостью твоей!..

**ГАСНЕТ ДНЕВНОЕ
СВЕТИЛО...**
Гаснет дневное светило,
Глухо рокочет прибор!...
Как хорошо б это было –
Не расставаться с тобой.
О запредельном вещая,
О различимом едва, –

ГИМН РУССКИМ ДЕВУШКАМ
О луноликих девушках не раз
Писали Пушкин, Лермонтов, Есенин...
Но пусть простят меня они сейчас –
Сдаваться славе их я не намерен.
Соревнованье наше впереди,
И не понять, что будет в нём итогом.
Стихи в моей рождаются груди,
Слова звенят, нащёптанные Богом.
Красавицы Востока хороши –
Я говорю о них не стану плохо.
Очарование моей души –
Простите мне, красавицы Востока.
В Сибири я увидел русских дев,
И понял: нет красавиц в мире краше.

Море твои поглощает
И возвращает слова.
В диком и сумрачном блеске,
В счастья негаданный час,
Полнимся шумом вселенским,
Соединяющим нас...
В до основания разбитом
Мире, гудящим огнём,
Встретились мы в позабытом,
Незаходящем былом...
МЫ, ЗА РУКИ ВЗЯВШИСЬ...
Осенние клонятся нивы,
Но горним садам не отцвеств.

Сегодня с тобой мы живы,
А завтра что будет – Бог весть.
От страстной беды не избавлю,
Терзая себя и вина,
Но только тебя не оставлю,
И ты – не оставишь меня.
Земную прорваав оболочку,
Свободен от мрачных тенет,
В какую-то страшную точку
Сужается режущий свет...
Как будто избывши неволю,
В недвижимо-пустой окоём,
С тобой по минному полю
Мы, за руки взявшись, идем...

ВЬЮГА, ВЬЮГА...
Сквозь тоску и городскую вьюгу,
Утопая в снеговой пыли,
Наугад и друг навстречу другу
Мы в потоке нелюдимом шли.
В мирозданье замётённых улиц,
В снеговой пустыне, как в бреду,
На ходу столкнулись, разминувшись...
...Оглянулись, на свою беду.

**ВНЯТНО, КАК
БЛАГОСЛОВЕНЬЕ...**
Вьюгой над нами кружили, –
Не схоронили живьём...
Столько с тобой пережили, –
Счастья ль не переживём?...
В мире воскресшем пахнуло
Свежею влагой ветвей,
Словно всего опахнуло
Тихой улыбой твоей...
Эти покорные плечи
И дорогая рука!..

Снова в забытую вечность
Тая, плывут облака.
Слышу свеченье и пенье,
Вижу равнину и лес
Внятно, как благословенье
Вешней земли и небес.
ЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО
Март снегом холодит виски,
Но солнце капли ниже,
И мы с тобой так близки,
Что не бывает ближе.
...И я почувал небеса,
Леса и без лукавства
Счастливые твои глаза
Как личное пространство.

**В ТВОЙ СЧАСТЛИВЫЙ
ПРАЗДНИК**
...пока твоя рука
в моей не оказалась.
Из песни
в день рожденья,
В стороне от шума и гостей,
Робкое, как вздох, прикосновенье
Задержал в ладони я своей
Словно птицу, малую синицу, –
Обгорелась, осмелела, – ишь!..
И случилось, что должно случиться:
Из моей руки не улетитишь!

ПОМНЮ
Я давней нашей тайны не нарушу,
Но в сердце грустный свиток разовью
Того, как ты младенческую душу
Мне без остатка вверила свою.
Проходит жизнь;
мелькают дни и даты, –
Кладут на всё забвения плечи...
Но помню дар твой,
помню, что когда-то
Мне за него придётся отвечать...

УПОВАНЬЕ
Из напяржённого гула
Как пробуждённого зпа,
Молния в небе блеснула, –
Испепелила дотла.
Сгнула, и мирозданье
Заволокло чернотой...
Милая, нет упования
Ни на кого, ни на что...
Где-то бездомное лихо
Бродит, ища забытьё.
...Только на голос твой тихий.
...Светлое имя твоё.

Княз ГОЧАГ
ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНОСТЬ
Вода всплывающаяся. Вскипела.
Остыла... Но, когда опять
Дошло до кипяченья дело,
Она не стала долго ждать.
А проявив внезапно рвенье,
Припомнив, что пережила,
Себя до степени кипенья
Она быстрее довела.
К ВОПРОСУ О ПЛАГИАТЕ
Нет никакого плагиата,
Кто б чтоб о том ни говорил!

Во всём природа виновата,
Бог, что людьми нас сотворил.
Дал нам язык и вдохновенье,
Способность мыслить и дерзать.
Никто не может озаренье
К себе верёвкой привязать.
То к одному оно приходит,
А то – стучится, враз, к двоим.
И каждый, справедливо вроде,
Открытые зовёт своим.
Но, если вы иного мнения,
Спрошу о том на новый лад:
А мы – Всевышнего творенья –
Неужто, тоже – плагиат?

* * *
Нам Господом отпущенные дни
Причастны и к страданиям,
и к счастью.
Нет абсолютно дней святых. Они
Полны и бед, и радости – отчасти.
Но верить в святость
всё же есть резон,
Пусть рай ты на земле
напрасно ищешь,
День каждый свят,
но так же грешен он...
И ничего тут, брат мой,
не попишешь.

Я вмиг ослеп, отчаянно прозрев,
И вновь ослеп, не понимая даже,
Что для иной красоты – незряч теперь,
Покуда вспять не обратятся реки,
Красавица российская, поверь:
Мой гимн тебе – отныне и навеки!
СОКРОВЕННОЕ
Господь, за богохульство не сочти –
Один ты для народов самых разных.
Как праведно по жизни мне пройти,
Как жизнь прожить
светло и не напрасно?
Не сдаться кривде, веруя в Тебя,
И Вечности смотреть в глаза без дрожи?

Ведь только тем,
кто странствует, скорбя,
Ты в самый трудный час
в пути поможешь.
Ты мучеником любишь и хранишь
Всех горемык –
душой к ним расположен...
И мы на свете существуем лишь,
Поскольку ты нам позволяешь, Боже,
Подняться над неверием своим,
Над каждою находкой и потерей...
Я примиряюсь с хаосом мирским,
Поскольку в торжество Твоё,
как в правду, верю.
*Перевод с азербайджанского
Александра Кердана*

Влада
БАРОНЕЦ

Извлекаются кролик, игральных груда
И цветастый платок со дна.
Ноутбук позволяет не ждать ответа,
Меж собою сближая все точки света
На попавшейся в сеть земле.
Больше нет удивлений.
Восток и Запад
На окраинах не различить.
На завтрак
И в Дубаи едят омлет.

И щека машиниста в людской пещере
Отливает холодом малахита.
* * *
С рассветом, пока просыпается город,
Поспешно спасается
бегством природа.
Деревья с землей порывают и скоро
Уходят оврагом, двором, огородом,
Себе не давая минуты на отдых,

* * *
Ночь в поезде – и вот другого мира
вдыхаешь воздух, выйдя на перрон.
Здесь надо бы владеть иною лирой,
иною кистью и иным пером.
В нём те же рельсы,
и домов шеренги,
и так же ветер свеж, и ал закат.
Но эти тембры, запахи, оттенки
лишь одному ему принадлежат.
Они зовут к себе, и будут снится,
подсказывая: время-то пришло!

много мы ещё изуечим
рек, лесов и людских судеб.
Мощь турбин – не огонь из кремня,
и пыляни как победы хмель!..
А на чаше другой – деревня,
как украденная шинель.
* * *
Календари истлели.
Времени кончен бег.
Где же, на самом деле,
тот двадцать первый век?

Владимир
ДМИТРИЕВСКИЙ

И больше никто не испортит картину

За семью досками в сырой парадной
Замолчали лестницы. Благодарны
За плевков, быть может,
за подзатыльник,
Не отряхивать если
подольше пыль с них.
Подсчитав ущерб, понимаю: боли
Приблизительно,
как в *g-moll* бемолей.
Может, больше. Пусть её. Потому что
Это значит, что столько и было нужно,
Чтоб висок расплавился.
Чтобы в теле
Тридцать шесть и шесть моём
закипели.
Солидарность капель
и щедрость крана
Выпускают воду за край стакана.
Звон в ушах,
умноженный на терпенье,
Разговор внутри превращает в пенёк.
Как жилец в пустую квартиру утварь,
Тащит глаз любую картину внутрь.
Голова бурлит под водой прибора
Голосов. Нужны непременно двое,
Чтоб родился третий.
Но колдовством слов
В человекем я открывает остров
С темнойот пещер
в непролазной чаще,
Окруженный жизнью
и в ней молчащий.
У меня с собой чемодан прихожих
И вокзал людей, через них прохожих.
Крепко помнится в августе запах луга,
Темный лес бровей из-под шапок,
вьюга
Проводов, над Аничковым копыта,
А разбитое в дальнем углу корыто
Помогает позже полосу света
Обнаружить в другом углу. И за это
Благодарна я своей неудаче,
Как ступенькам,
ноге говорящим: дальше.
Как руке, в способность которой верю
Расправлять,
по-птичьи сложившись, перья.
* * *
В биографии склонность
копить пейзажи
Вынуждает избавляться от поклажи:
Это плата за смену стран.
Обо мне говорит под чужою крышей
Только то,
что теперь записною книжкой
Называют. Горит экран.
Ноутбук, если сбоку, похож на книгу.
На колених –
на дремлющего мурлыку.
В темноте – на фонарь окна.
На цилиндр фокусника, откуда

Удивительно: можно когда угодно
Посмотреть,
как в Париже теперь погода.
Матч в Мадриде. В Москве парад.
Но еще удивительней то, как остро
Ощущается мой в океане остров,
Избежавший и глаз, и карт.
По песку боком бегают крабы пальцев.
Не с кем взгляды скрестить,
как в экран ни палься, –
Там безмолвие, как на дне.
Это время бесед с пустотой.
Хоть дело
Не в присутствии рядом другого тела,
А лишь в том, чтобы сниться мне.
Водной глади отличие от экрана
В чистоте горизонта. Она не рада
Даже пятишку корабля.
В ноутбукое моем – мировая свалка.
Одиноко сидит на ветвях русалка.
Справа – слово про курс рубля.
Как известно,
на свалке приволье крысам.
Затаенным стыдливо
при встрече мыслям
За экраном неведом стыд.
По сети пробігают паучы лапы.
Как Хома, очертив себя кругом лампы,
Я сижу. И экран горит.
* * *
Как зима не дает говорить апрелю.
Как глаза не хотят
поднимать ресницы.
У рассвета в печи все дрова сгорели,
И замерзшая из-за морей синица
Никому на хвосте не доносит вести
О весне, налетевшей давно на запад.
Засыпает хохлатая на насесте.
Темноту согревает капустный запах.
У славянской жизни
медвежья поступь.
В каждом шаге её вековая тяжесть.
Не смотри назад,
не смотри без спросу.
Лишь за ажуркой следуй, куда укажет.
Лучше каменной зеленою
жили мучать,
Чем пятном расплываться
в небесной луже.
Как у сосен за паузкой чья-то участь.
Нужно много тише и много глубже.
Столько тьмы переулоч
несет под шапкой.
Столько возгласов
кануло в подворотни.
Не осталось колонн,
что не стали шатки,
И скользит нога на краю сегодня.
Нужно так,
чтобы глуше лесной тетери.
Не уймется метель,
будет все укрыто.

Хоть можно, казалось бы,
самую малость...
Поскольку узнали, что у беспородных
Нет шансов на нужность,
нет шансов на жалость,
Доставшуюся
той счастливой из пиний,
Чей рост был внушительен,
вид очень редок –
Спасли её от искривления линий,
Обставив телами десятка соседок.
Уходят двором.
Остаются лишь листья
Да мусор кругом, как забытые вещи.
Но после бульдозера
всё станет чисто.
Репейник, поверив,
что глас его вещей,
Торчит, нарушая гармонию клумбы,
Где строятся розы послушно по двое,
Шуршит на кустарник
у каменной тумбы,
Квадратность её повторяющей хвоей.
Пока наконец не приходит садовник.
Из фартука он достает гильотину.
И вот уже розы одни да шиповник.
И больше никто не испортит картину.
* * *
Как в карманах моих покати шаром.
Как в кошечках моих
сломит ногу чёрт.
Прошлый век
небогато дарил добром.
Что написано им, больше всё зачёрк-
нуто. Век же теперешний ни к перу,
Ни к былому не тянется –
больно горд.
Остается от русского только *гу*,
Как балласт годен только
лететь за борт.
Не гнедая везет меня, а Газель.
Не дворец предо мной,
а торговый центр.
Изобилие всюду – гуляй, глазей.
И за это эпоха берет процент.
Не ходить мне войною, не голодать
И на паперти в горсть
не ловить гроши.
Так и выглядит, видимо, благодать,
Если вправду поверить,
что нет души.
Но не делится вечность на век,
как гул
Океана из раковин неделим.
Я стою в двадцать первом на берегу.
Мимо движутся дактилей корабли.
То ль тайна, обретенная звездой,
То ль молитва,
промолвленная не мной.
Этот шёпот по жилам живой водой.
Эти строчки чернеют сырой землей.

Значит, всё неладно в королевстве...

Так по весне полны тревоги птицы,
ещё чуть-чуть – и встанут на крыло.
И по законам стаи журавлиной
уверенной с годами и смелей
в пространстве я
придерживаюсь линий
неведомых физических полей.
Они неощутимы, но реальны,
и, к точке их схождения ведом,
вернись ещё не раз
из странствий дальних
туда, где мама, где навеки – дом.
* * *
Лубсан простодушен, а конь хитёр,
хоть скромно мусолит узду.
"Привяжешь – лежит,
не подытай и на спор,
вот и держу в поводу".
Опившись дождями,
бурлит Бургалтай,
волнятся в долине луга,
а мы молоко наливаем в чай,
и наша беседа долга.
Сказал мне Лубсан:
"Здесь жил мой отец,
а бабка – в соседнем селе.
Здесь было начало, здесь и конец,
я на своей земле".
В деревне ослепла четверть домов,
за пряслами – буйство крапив.
Вдыхает бурят сигаретный дымок,
чаем усы окропив.
"Дочери в город к себе зовут,
внуки уже родились.
Горы и степи – всё моё тут,
а там – это разве жизнь?..".
Я знаю, есть нить – её не порвёшь,
она прочней, чем канат.
И нет на свете ни Греций, ни Польш
и никаких Канад.
ЧИТАЯ РАСПУТИНА
До добра не доводит чтение,
лёт на душу сомнений лёд.
Отобрать у реки течение –
как отнять у орла полёт!
Разомлевши в душевной лени
всё никак не поймём одно:
воспевавшие затопление,
мы и сами идём на дно.
Не предвидя развязки страшной,
с расточительностью повес
платим мы и тайгой, и пашней
за сжирающий нас прогресс.
И, сплотившись гуртом овечьим
добывать свой насущный хлеб,

В утренний час погожий
ветер сорвётся с гор,
а за окном всё то же:
грязь да кривой забор,
мокрые и босые,
бегают пацаны...
Долго проспит Россия,
сладкие видя сны.
* * *
Крестоносцам пламенных идей,
рыцарям растерзанного века,
нам уже не место средь людей, –
каждый то изранен, то калек.
Лязг и скрежет заржавевших лат.
Годы не щадят и лучшей стали.
И никто вокруг не виноват
в том, что мы от времени отстали.
Всё ещё мы скачем, но куда?
Всё ещё вздымать державное копыя,
защищая наши города
от безумных орд средневековья.
Взмах – и мимо. Выпад – холостой...
Нас отловят и подвернут порке
лишь за то, что Пушкин и Толстой
залегли занозами в подкормке.
И за ропот даже, не протест,
снизойда, приговорят к свободе, –
только и мелькнёт нашитый крест
в пенящейся мути половодья.
* * *
В мячики раскрашены газеты,
в них опять – зловеющие усы.
Не нужны стране моей поэты
в праздном веке пива и попсы.
"К вам не лезут, ну и вы не лезьте!" –
и немые друг с другом, и глухи.
Значит, всё неладно в королевстве,
если не читаются стихи.
А в толпе оглянешься – и пусто,
одинок ты, горечью облит.
И души не вылечит искусство,
если таковая не болит.
В ключья рви рубаху и юродствуй.
Или мне других занятий нет,
чем искать наивные вопросы
на эпохой заданный ответ?
* * *
Опять приходят холода
неотвратимо, как всегда.
Ещё недавно были лужи –
теперь в них твёрдая вода.
Весь мир заснежен и завьюжен.
Он идеально отутюжен,
как перед свадьбой простыня.

Теплом, в тепле и для тепла
его природа создала,
тепло ему необходимо.
И так уютно знать про то,
что и весна неотвратима,
и холода промчатся мимо,
и не задержит их ничто,
и вот... Да что я всё про зимы!
Твои глаза неотразимы,
когда ласкают теплотой,
и в каждом – лучик золотой,
которым ты сама согрета.
Да только нет такой приметы,
чтоб предсказать в тебе январь
в разгар оржаневого лета.
Увы, тут беден мой словарь...
В сто тысяч солнц звезда сверкает,
но нет тепла, и лёд не тает.
* * *
Здесь осень вдруг заляпётся смехом,
к палатке тихо подойдя.
То снег с дождём,
то дождь со снегом,
а то ни снега, ни дождя.
А там, где ты, – там всё иное,
там поезда летят, трубя.
Ни я с тобой, ни ты со мною –
ты без меня, я без тебя.
Стремлюсь к тебе,
в твой город дальний,
а ты – ко мне, на свет огня.
И будет час исповедальный
и для тебя, и для меня.
И будет всё уже неважным,
и знать лишь богу одному,
о чём друг другу мы расскажем
и не расскажем никому.
* * *
Неблагодарное занятие –
стихи кому-то толковать, –
как на натянутом канате
над бездной с ними танцевать.
Я не любитель голых истин,
но смысл не прячу между строк.
Мне слог заунывный ненавистен,
а также поучений слог.
Зачем же маюсь, изгибаюсь,
хоть понимаю: не мастак,
и тщетно объяснять пытаюсь
всё то, что понято не так?
За толкование – расплата:
непониманьем изнурён,
мной стих вдруг падает с каната, –
коль был в нём дух, так вышел вон.
Теперь лежит, разъят на доли,
его уже не соберёшь...
Вот так поверишь поневоле:
мысль изречённая есть ложь.